

Слово редактора

ВНУТРЕННИЙ ШПИОНАЖ КАК ЭЛЕМЕНТ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: В статье анализируется внутренний шпионаж как один из основных способов бюрократического управления полицейским государством. Исследуя исторические формы внутреннего шпионажа, автор выявляет зависимость между степенью полицеизации общества, развитостью структур полицеизирующих групп, уровнем институционализированности секторства, и предрасположенностью населения к сотрудничеству с полицией.

Ключевые слова: бюрократическое управление, полицейско-бюрократическое государство, полицеизация общества, полицейский аппарат, шпионаж.

Переплетение опыта и разброс мнений

Как показывают опросы Левада-Центра, на протяжении нулевых годов возрастал уровень доверия населения России к армии и органам госбезопасности (в 2001 г. 33% и 22%, в 2013 г. 43% и 36% соответственно [Доверие институтам власти...]). Это свидетельствует о том, что значительная часть населения страны была и остаётся имперским людьём, испытывающим любовь к армии и чекистам [Никольский 2014а; Никольский 2014b]. Такая оценка хорошо выражена в названии одной из книг Е.М. Стригина [Стригин 2004]. Эту тенденцию общественного мнения и политики можно назвать полицейско-охранительной.

Существует также Общество по изучению истории отечественных спецслужб. В первом выпуске трудов Общества А.А. Зданович и И.И. Васильев пишут, что надо осмыслить причины роста роли спецслужб в XX веке. При этом они приводят следующие аргументы: ещё никогда в истории человечество не решало столь масштабных задач, в центре которых стояли бы спецслужбы; создание спецслужб было объективной исторической необходимостью; их функция в обществе и государстве равнозначна функции пахарей, строителей и воинов; в каждом обществе цель и функция самосохранения является главной; эта цель достигается в борьбе по принципу: сильный берет верх над слабым; у безопасности всех времён и народов есть единая составляющая — тайна, благодаря которой функция спецслужб является вечной; главная задача спецслужб — беречь и сохранять «свою» тайну и владеть тайной окружающих его социумов — прямых и потенциальных врагов; тайна — это слабости данного социума; масштабная тайна сосредоточена в недрах верховной власти и именуется государственной; на данном витке европейской цивилизации спецслужбы в любом международном конфликте

выступают важнейшими ресурсосберегающими факторами; разрушительное воздействие внешних сил на центральную политическую власть является «инфекционным заболеванием» для государства; без получения информации о ближних и дальних соседях ни один нормальный правитель не мог успешно вести свои дела; эта функция являлась величиной постоянной для любого социума на всех стадиях его развития.

В заключение авторы ставят задачу вычленив внутреннюю логику развития спецслужб, особо отмечая роль социологии и политологии как интеллектуальной оснастки спецслужб. По их мнению, аналитическая мощь спецслужб возростала многократно по мере того, как на вооружение брались объективные научные критерии указанных гуманитарных дисциплин. А образцы системного подхода в организации и деятельности спецслужб в начале XX века показали немцы, явившие миру в XIX в. непревзойдённые образцы философско-социологического мышления (Г. Гегель, К. Маркс, М. Вебер и др.) [Зданович, Васильев 2006: 25–50].

Я не немец и не собираюсь им быть. Всем остальным требованиям поставленной исследовательской задачи соответствую. В армии служил старшим специалистом спецсвязи, имел первую форму допуска к секретам. В армии начал читать Гегеля, после армии долгое время изучал Карла Маркса и Макса Вебера. О каждом из них написал книги. Но вначале скажу об одном секрете.

Я обслуживал спецсвязью руководство Ясенской ракетной дивизии. Недавно нашёл о ней сайт в Интернете¹. Вспомнил своих командиров и хороших ребят, с которыми пришлось служить. Но если о них пишут в Интернете, неужели мой секрет устарел?

В начале каждого года в части поступал строгий приказ начальника Генштаба Вооружённых сил СССР: не загружать спецсвязь несекретными сведениями. Мне приходилось передавать шифровки о том, что в части нет приличного сортира, а солдатские фекалии уходят неизвестно куда. Что солдаты вынуждены ходить мыться в поселковую баню и подхватывать лобковых вшей². Что из-за обилия выпавшего снега надо прислать шнекороторные снегоочистители. Эти сведения вполне можно было передать по обычному телеграфу. Но ни один из приказов не выполнялся, поскольку на следующий год поступал точно такой же. На основании собственного опыта могу утверждать: шифросвязь забита всякой ерундой, не составляющей никаких государственных секретов. Большинство начальников используют шифросвязь по причине особого тщеславия, которое окружает сам факт допуска к ней. Право подписи шифровок имеет строго ограниченное число лиц. Они считают «западло» пользоваться обычной связью. Не буду рассказывать о множестве фактов такого тщеславия и приказов, которые лично наблюдал и вынужден был выполнять. Видимо, существует разновидность властной похоти, которую порождает сам факт причастности к секретам. Эта причастность даёт возможность «чесать властную похоть» (если модернизировать терминологию героев В. Шукшина).

Для такого вывода не обязательно служить в армии. То же заключение можно вывести из чтения множества секретных документов по истории СССР, которые опубликованы в 1990-е годы и продолжают публиковаться. После их прочтения и на основании личного опыта я в большинстве случаев озадачивался: что же здесь секретного? К сожалению, в статье нет места проиллюстрировать это на конкретных примерах.

Короче говоря, мой армейский и научный опыт давно переплелись. Поэтому могу без труда оспорить все тезисы, высказанные А.А. Здановичем и И.И. Васильевым. Сделаю это, едва придёт вдохновение. Для их опровержения буду опираться на цикл своих исследований

¹ См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/13-я_ракетная_дивизия.

² Если кто-то думает, что в нынешней российской армии уровень санитарии выше — рекомендую прочесть записки И. Анпилогова [Анпилогов 2002].

по проблеме бюрократии. Уже в первой книге я показал, что внутренний шпионаж (т. е. надзор над гражданами) не является какой-то «объективной необходимостью», а является обычным элементом бюрократического управления государством. Провести различие между бюрократической тайной и государственными секретами весьма сложно. Недавно я описал действие этого закона в современной постсоветской бюрократии [Макаренко 2013]. Такова печка, от которой я предлагаю плясать при обсуждении вопроса о силовых структурах.

Сейчас с удовольствием сошлюсь на коллег. А.Н. Олейник показал, что на протяжении последних десятилетий существования СССР надзор над гражданами возрос, институт «смотрящих» (т. е. надзирателей) преобразовался из тюремного феномена в универсальную характеристику российского общества [Олейник 2001]. Была ли в этом «объективная необходимость» или же эта тенденция объясняется просто интересами сословия самих смотрящих? — этот вопрос надо рассматривать в контексте общей проблемы генезиса и функционирования полицейского общества, элементом которого является бюрократическое управление [Макаренко 2014].

При анализе надо учитывать распространённость отрицательной оценки армии и спецслужб. Приведу примеры.

Писатель-фронтовик В. Быков пишет, что армия подобна звезде-пульсару, которая то сжимается, то расширяется, и в этом вся её функция. «В спокойном состоянии она существовать не может, покой для неё — гибель. Вот она и пульсирует. Чтобы не погибнуть. Но при этом жаждет уничтожить как можно больше врагов, которые у каждой армии всегда найдутся. Зависимость существования армии от наличия врагов абсолютная. Как только создаётся армия, тут же обнаруживаются и враги. Проблема лишь в том, какой момент пульсации наиболее продуктивен в данный момент: сжатие (сокращение применительно к армии) или расширение? Выясняют это путём проб и ошибок. То увеличивают армию, то сокращают. То мобилизуют, ломая людям жизнь, то увольняют, опять-таки без малейшего внимания к человеческим судьбам» [Быков 2005: 172]. В советско-германской войне врагом был не только немецкий фашист, но и свой внутренний враг — преступник-особист и недотёпа-политрук. При Андропове чекисты уже были образованны и умели сочинять. Они сами придумывали преступления, в отличие от прежних узколобых чекистов, которые заставляли подследственных, чтобы те сами придумывали себе преступления. Гонорары за публикацию книг советских авторов на Западе (через «Союзкнигу») шли на финансирование заграничных отделений советской разведки, которая в то время (1970–1980-е гг.) уже испытывала денежные затруднения [Быков 2005: 188–189, 261, 378]. Отрицательная оценка политруков и особистов содержится также во множестве книг другого писателя-фронтовика В. Астафьева.

Ещё один писатель Б. Хазанов даёт характеристику КГБ в контексте общей оценки СССР: «Её деятельность принято называть противозаконной. Спрашивается, что такое закон. Как большой океанский корабль оснащён собственной электростанцией, так органы располагали собственной юриспруденцией. Они следовали инструкциям и законам, которые сами же изобретали. В этом специфическом значении закон есть не что иное, как совокупность правил, по которым надлежит творить беззаконие. Тайная полиция переросла сама себя. Это была поистине универсальная организация, выполнявшая сыскные, следственные, псевдосудебные и карательные функции, служившая одновременно инструментом тотального контроля и устрашения и рычагом экономики... В конечном счёте вся государственная машина в большей или меньшей степени оказывалась в ведении тайной полиции. Такова была логика породившего её строя. Но та же логика учреждения, которое стало выше себя самого, приводило периодически к самопоеданию... время от времени она отгрызала у себя хвосты, конечности и даже голову. Это было необходимо для регенерации... Некоторые считали этот режим насильственным внешним (чужеродным) порождением. На самом деле это был народ-

ный режим. Режим, где весь народ вовлечён в практику насилия. Начальство угнетает подчинённых, подчинённые друг друга... История России в XX веке — пример удручающей бесполезности жертв и усилий» [Хазанов 2004: 162–163].

Историк М. Геллер пишет, что Россией в XX веке управляли дегенераты. Эти люди желают улучшить систему, не меняя её основ. Одной из таких основ является политическая полиция, которая продолжает лгать во всех направлениях. Романтическая фаза реформы КГБ состояла в попытке вылечить огромную раковую опухоль путём превращения её во множество маленьких опухолей. Но ФСБ — прямой наследник КГБ. Она хочет контролировать, а не бороться с преступным миром. В мире нет такого демократического государства, в котором центральным органом власти является политическая полиция [Геллер 1996: 109, 48, 339, 439].

Можно привести ряд аналогичных суждений. Завершу их высказыванием историка А.В. Островского, который считает КГБ главной причиной распада СССР: «Кто же осуществлял программу перестройки? Кто направлял огонь по штабам? Кто разрабатывал планы самоистребительной идеологической внутренней войны? Кто провоцировал национальные конфликты? Кто выводил диссидентское движение из подполья? Кто готовил и осуществлял „бархатные“ революции? КГБ. Учреждение, которое должно было стоять на страже интересов советской империи, вольно или невольно стало одним из её могильщиков. И ведь никто не застрелился. Как академик Легасов. Как Зубатов» [Островский 2004: 570].

Итак, значительная часть населения России доверяет армии и спецслужбам; представители спецслужб считают своей главной задачей сохранение государства; часть писателей и профессиональных историков полагают армию и спецслужбы элементами тоталитарного строя и могильщиками государства.

Факт разброса мнений свидетельствует о существовании проблемы. Я предлагаю рассматривать полицию с точки зрения полицеизирующих и полицеизированных социальных групп. Их рост можно считать общей бюрократической характеристикой модернизирующихся обществ. Для конкретного представления об этой характеристике надо учитывать особенности генезиса и функционирования полиций конкретных стран, в том числе России/СССР.

Ветхий полицейский завет

А.Г. Чукарев детально изучил генезис тайной полиции России. На протяжении первой половины XIX в. в России развивались капиталистические отношения, начался промышленный переворот, усложнялась социальная структура общества, возникали первые элементы гражданственности. Для обеспечения этих процессов требовалась обратная связь между властью и обществом. В западных странах ее обеспечивали парламент, печать, суд присяжных, адвокатура. Россия отвергала эти институты. Николай I полагал, что обратную связь может выполнить секретная служба и сформулировал ее главную задачу — защита «сырых и угнетённых». Отсюда вытекали широкие социальные функции и парадокс российской политической полиции. Царь считал, что несмотря на отсутствие гласности, недостатки суда и общей полиции, тайная служба сможет устранить коррупцию, произвол, взятки центральной и местной администрации. Он хотел создать элитное учреждение, члены которого будут руководствоваться идейными мотивами и вберут в себя цвет аристократии.

Но дворяне презирали полицию и не пошли служить в жандармерию. Поэтому в новое ведомство пришлось набирать армейских и флотских офицеров, которые руководствовались материальными (а не идейными) соображениями. При Николае I сложилось несколько правил функционирования тайной полиции: анализ настроений разных групп и слоёв (составление так называемых нравственно-политических обзоров) для выявления опасных для власти

настроений; информация верховной власти о всех негативных фактах на данной территории для сведения и принятия мер в борьбе с носителями зла; преследование всех (а не только революционных) направлений общественно-политической мысли и действия.

В целом создание III отделения и корпуса жандармов сыграло негативную роль в истории России. Тайная полиция загоняла вглубь общества все назревавшие болезни. А главная социальная задача деятельности — «защита сырых и угнетённых» оказалась не под силу тайной полиции [Чукарев 2005: 578–587]³. В чем же причины ее бессилия? Пусть ответят на этот вопрос сами полицмейстеры. Для этого сжато воспроизведу основные идеи мемуаров А.П. Мартынова «Моя служба в Отдельном корпусе жандармов» и П.П. Заварзина «Работа тайной полицией». Первый был начальником Саратовского и Московского охранных отделений в 1906–1917 гг., второй — Донского и Варшавского охранных отделений в 1905–1910-е гг. (работал также в Кишиневе и Одессе). Написанные в эмиграции мемуары частично позволяют выявить специфику полицейского поведения и мышления. А.П. Мартынов надеялся «...помочь тем, кто будет в новой, возрождённой и опрокинувшей большевиков России организовывать дело внутреннего осведомления для будущего национального русского правительства» [Охранка... 2004: 170]. Теперь как раз это «новое время» наступило. Не зря герои М. Булгакова предсказывали общество, в котором рядом с каждым человеком поставят городского⁴. Но пока скажем о русском «старом добром времени».

До революции политическая полиция контролировала все направления политической деятельности — от революционной до либеральной и кооперативной. Внутри политической полиции возникло три профессии: секретные сотрудники (сексоты), провокаторы и эксперты. В итоге Департамент полиции имел 100% сведения о всех революционерах. Все сексоты больше всего любили деньги. В МВД существовал «рептильный фонд» для органов «правой печати» [Охранка... 2004: 408]. Это порождало проблемы отбора сексотов и руководства сексотами.

Для анализа этих проблем следует учитывать три критерия:

1. Национальный критерий состоял в том, что в начале XX века на вершине корпуса жандармов преобладали немцы, греки, евреи, латыши, которых постепенно начали заменять казаки [Охранка... 2004: 302–305, 243]. Среди сексотов преобладали евреи и великороссы.

2. По профессиональному критерию первое место занимали люди интеллектуальных профессий — врачи, инженеры, общественные деятели, литераторы, журналисты, студенты и

³ Причём, уже в конце XIX в. в России была высказана идея об универсальности полицейского надзора. Генералу этой идеи можно изучать на основе опубликованных документов. Вот один из них. П.И. Рачковский заведовал заграничной агентурой российской политической полиции в 1885–1902 гг. В докладной записке директору Департамента полиции П.Н. Дурново он высказал идею о создании в России революционного движения под прикрытием политической полиции: «Сколько бы ни возникало на пространстве России отдельных и замкнутых революционных кружков, политическая полиция данной местности всегда имеет возможность объединить их для безошибочного контроля и своевременно пресекать преступные замыслы. Сосредоточивая, путём внутреннего воздействия, самые разнородные революционные элементы в центральные группы, органы названной полиции должны сделаться распорядителями положения, а не быть рабами революционных предприятий. При известной настойчивости и такте они могут довести дело до того, что подпольные и, вообще, профессиональные революционеры должны будут сойтись под их прямым наблюдением с той или другой легальной средой, им сочувствующей. Каждый революционер, действующий, например, в Петербурге, на собственный страх, непременно примкнёт к искусственному центру, находящемуся в ведении местного руководителя розыскной деятельностью, и наиболее опасные конспираторы всегда будут на виду для соответственных против них мероприятий» [Агентурная работа... 2006: 18].

⁴ В «Аргументах и фактах» приводится цифра 5 миллионов — столько наших соотечественников служит в силовых структурах [<http://brikbotit.livejournal.com/1182.html>]. А индивидуальных предпринимателей 3,5 миллиона [<http://www.km.ru/economics/2014/02/12/pravitelstvo-rossii/732168-chislo-predprinimatelei-v-rossii-sokratilos-na-500-t>]. Пусть читатель поразмыслит, сколько городовых сегодня на него приходится...

даже «теоретики марксизма». Они пополняли ряды экспертов, которые хорошо знали политику, искусство, литературу, театр, прессу, включая внутренние отношения всех этих структур.

3. По политическому критерию в состав сексотов входили члены всех оппозиционных и революционных организаций, рабочие, офицеры и нижние чины армии.

Указанные три критерия определяют в первом приближении структуру полицеизирующих групп в России.

В отношениях между охранкой и сексотами Мартынов рекомендует выработать «флюиды душевной расположенности и дружественной приязни, необходимые в столь тонких делах». Не исключено, что этот совет объясняется влиянием гендерного критерия. Руководители охранки привязывали к себе женщин-сексотов деньгами и романтическими чувствами — ради ликвидации опасной «бандитско-максималистской» деятельности «революционного отребья» [Охранка... 2004: 306–307, 313, 420, 100, 158].

Иначе говоря, деятельность политической полиции невозможна без специфического симбиоза своекорыстия, любви и задушевности в отношениях между её сотрудниками. Русская душа — это особая предрасположенность к сотрудничеству с тайной полицией. Для описания этого симбиоза можно применять анализ корпоративного сознания, поскольку в нем реализуется единство социальной и бюрократической организации государства⁵. Косвенным свидетельством необходимости такого анализа является квалификация обычных посиделок и пьянок как «корпоративок» после того, как бывший соглядатай стал президентом России.

Но вернусь к старому доброму времени. Отбор сексотов породил трудности. Самыми конспиративными были национальные партии (еврейский «Бунд», армянский «Дашнакцутюн», Польская социалистическая партия), которые крайне опасались провокаций. После каждой неудачи своих замыслов они подвергали друг друга тщательной проверке, усиливали конспирацию. При обнаружении сексота он предавался смерти, иногда невероятно жестокой. В этой среде трудно было найти сексотов. На этом основании руководители охранки полагали: религия, народность, быт, национальная психология и воспитание сплачивают людей сильнее доктрин классово-борьбы.

Действительно, национальные партии возникали на основе симбиоза религии и политики. Например, армянские организации на территории России и Персии имели базы для нападения на турок. Эти действия осложняли международные отношения. Русское правительство начало преследовать не только «Дашнакцутюн», но и армянскую церковь: «...Выяснилось, что духовенство снабжает партию оружием и деньгами, укрывает разыскиваемых и всячески содействует эксцессам. Репрессии против духовенства вызвали такое неудовольствие, что партия в ответ на эти мероприятия перешла к террору, убив массу должностных лиц русской кавказской администрации, от высших до низших чинов» [Охранка... 2004: 69].

Не менее трудно было найти сотрудников среди идейных анархистов-коммунаров. Они культивировали «безмотивный террор» ради воздействия на «сытых буржуа», чтобы заставить их отдавать свои излишки голодным и неимущим людям и работать на пользу пролетариев. По этим соображениям бросали бомбы в Испании, России, Польше и др. Объектами

⁵ Разделение труда порождает корпоративные интересы, выражающиеся в корпоративном сознании. В нём фиксируются отличия интересов данной сферы разделения труда от другой и связанные с этими отличиями монополии и привилегии каждой профессиональной группы. Корпоративное сознание — духовно-практическая предпосылка бюрократии. Любые социальные и организационные формы не существуют изолированно от материальных интересов занятых в них людей. Эти интересы — главная социальная причина стабилизации организационно-управленческих форм. Ведущим мотивом корпоративного сознания выступает своекорыстие. Чем более развито своекорыстие, тем больше господство бюрократии и полиции над государством и обществом [См. об этом подробнее: Макаренко 1989: 14–28].

нападения становились театры, рестораны, кондитерские, когда там находилось много разодетых и беспечных эксплуататоров [Охранка... 2004: 102].

Короче говоря, если политическая организация базируется на связи религии и политики, то это порождает террор против лиц другой нации и членов аппарата управления. Тогда как идейные соображения ведут к массовому террору. Такова исходная проблема деятельности политической полиции, противодействующая вербовке сексотов.

Не менее значимы проблемы взаимоотношения армии и жандармерии. Военные противодействовали вербовке сексотов в армии. Генерал Деникин считал шпионаж нижних чинов за офицерами главным элементом разврата армии. Даже в разгар первой мировой войны он полагал, что в армии не должно быть никакой политики, «...а если на нее указывают шпионы и жандармы, то они врут или сами вносят разврат в солдатскую среду» [Охранка... 2004: 467]. При В.Ф. Джунковском (товарище министра внутренних дел) военное командование добилось упразднения сексотов в армии.

С другой стороны, руководители охраны выступали против всякого фразёрства ради точных определений и фактов в деловой переписке. Требовали наиболее близкого к истине изложения агентурных данных, без прикрас, выкрутасов и добавлений от себя. Тогда как лица, пришедшие в охранку из армии, поступали совсем иначе: в деловой переписке все стремились приукрасить и выпятить личное участие в решении любого вопроса. Люди «искусственной военной аффектации и военной дисциплины» требовали вставать при проходе офицера, отдавать честь, оказывать другие знаки уважения. Руководители охраны выступали против внешней дисциплины в розыском деле в пользу разумного порядка в «абсолютно невоенном деле» [Охранка... 2004: 325].

Надёжность сексотов зависит от непрерывности руководства ими со стороны конкретного начальника, гарантии политической полиции от провалов и заботы об агенте. Но пример с Азефом показал: политическая полиция не могла обеспечить этих гарантий⁶. При таких условиях руководство сексотами становилось специфическим. Большинство стремилось повысить свой денежный оклад. Для достижения этой цели самые напористые и бессовестные выдумывали факты и сведения. Связь своекорыстия со стремлением к сенсации порождало следующие явления: сексоты сами создавали группы для экспроприации контор и банков, подпольные типографии, писали революционные прокламации, сочиняли ложные агентурные записки, заставляли врать осведомителей для втирания очков начальству. Все это делалось ради прибавки к жалованию и опасений увольнения при отсутствии у них интересных сведений. Такие сотрудники быстро продвигались по службе [Охранка... 2004: 173, 264–267, 341, 389].

При таких обстоятельствах охранка была вынуждена не столько искать злоумышленников, сколько осаждать зарвавшихся сексотов. «Задача эта отнюдь не была лёгкая, ибо, с одной стороны, желательно было удержать с секретным сотрудником по возможности более доверительные и тёплые отношения и не ссориться с ним, а с другой — надо было, пользуясь более

⁶ «Русская политическая полиция „провалила“ Азефа чуть ли не в первые же месяцы его сотрудничества из-за небрежности, неумения и слабости техники розыского дела. Произошло это так. Азеф из Ростова-на-Дону удрал за границу в 1892 году, так как в Ростове выяснилась его связь с местной подпольной революционной группой. За границей он сходится с русскими политическими эмигрантами и через „ростовских“ продвигается в кружки активных эмигрантов. Он решает использовать свои связи и знания об эмигрантах и завязывает сношения с Департаментом полиции; последний принимает его предложения, но тянет дело, и Азеф анонимно присылает предложения и начальнику губернского жандармского управления в Ростове-на-Дону. Последний по почерку узнает Азефа, и по его данным производит ликвидацию; при неосторожных опросах арестованных вскрывается, что сведения у жандармской полиции идут из-за границы; в эмигрантских кругах сразу же настораживаются против „ростовских“ товарищей, и один из них открыто указывает на Азефа. Первые подозрения возникли... Правда, они скоро отменяются» [Охранка... 2004: 83–84].

осведомленной агентурой, уличить и доказать сотруднику, что он если и не сфальшивил, то всё же преувеличил факты. Однако, уличая сотрудника, заведующий политическим розыском как бы невольно приоткрывал перед ним то обстоятельство, что местный политический розыск имеет в своем распоряжении другого, более осведомленного и ближе к подпольному центру стоящего осведомителя. Этого обстоятельства надо было всемерно избегать, и заведующий розыском обычно делал вид, что он, по крайней мере в данный момент, не имеет более „сильного“ сотрудника, чем тот, с которым он в то время беседует» [Охранка... 2004: 236–237]. Так возникали предпосылки цепи всеобщей лжи.

Эта ложь усиливалась конфликтом жандармов и охранки. Правительство требовало объединить усилия розыскных сил для искоренения революционной активности подполья. На деле получалось обратное. Начальник жандармского управления мог заниматься розыском только на территории губернии, но не в городе, где существовало охранное отделение. Губернский жандарм вынужден был выдавать охранке ордера на производство арестов и обысков, не зная сути дела. Но на следующей фазе задержанные лица, вещественные улики и результаты следственных действий попадали в жандармерию. Тут выходило наружу недоброжелательство жандармов и охранки. Жандармы стремились отыскать ошибки охранки. Не доверяли ее данным относительно общей картины революционной активности. Опровергали даже бесспорные доказательства. И «не находили оснований» принимать меры к задержанным мелким и крупным революционерам [Охранка... 2004: 156–157].

Зато жандармы проявляли специфическую активность. Они сообщали о возможном террористическом акте не для его предотвращения, а чтобы создать себе репутацию осведомленного. Начальство запрашивало о причинах несерьезной тревоги. На это жандармы реагировали так: «Лучше на всякий случай предупредить начальство, пусть примут меры!» С такими ловкачами было бороться трудно: «Я, — пишет Мартынов, — отвечал кратко: „Передайте вашему сотруднику, сообщившему вам сведения о Поволжском областном комитете партии и другие данные, что всё является плодом его вымысла для придания себе значения в ваших глазах и получения большего вознаграждения; в случае повторения таких попыток вводить нас в заблуждение ему будет отказано в продолжении сотрудничества, а имя его будет внесено в специальный циркуляр о шантажистах!“» [Охранка... 2004: 262]. Но при реальной опасности жандармы спихивали с себя дело даже путём уничтожения агентурных данных [Охранка... 2004: 264].

Ради карьеры одни жандармы губили сексотов. Другие делали карьеру путём участия в нужных проводах, встречах, поддержании знакомств, стремились иметь покровителей в верхах, потрафлять царствующим особам. Для этого требовался специфический ум — проницательность, неразборчивость в средствах при достижении цели, небрезгливость к людям, наклонность пользоваться услугами людей, годных на все руки. Этому способствовало множество подчинений. Кроме прямых начальников были косвенные (люди свиты). Служебное положение зависело от их мнения. Обилие реальных и предполагаемых начальников требовало приспособляемости, умения проникать в характеры, отнимало время от дела. Зато при многовластии трудно было найти виновного [Охранка... 2004: 306, 322].

В любом случае между охранкой и жандармами существовало недоброжелательство. Например, Мартынов сообщает: Спиридович научился фотографии не ради умения, а чтобы снимать членов Императорской семьи «чуть ли не на полуофициальном положении „своего“ фотографа»; жена Заварзина негласно руководила делами мужа; В.Ф. Джунковский (товарищ министра, заведующий полицией и командир Отдельного корпуса жандармов) «...был круглый и полированный дурень, но дурень чванливый, падкий на лесть и абсолютно бездарный человек» [Охранка... 2004: 277, 280–281, 292–294, 316]. Таково отношение к коллегам в этой профессиональной группе.

Зато руководители охраны зафиксировали параллель между отношением сексотов к идеологии до взятия власти и отношением властно-управленческого аппарата к идеологии после взятия власти. В истории русского революционного движения были две разновидности людей: «мученики» за марксистскую и эсеровскую веру; сексоты, которые не хотели быть «мучениками». Ради «революционного фасона» бандитские группы прикрывались максималистскими политическими требованиями. Все партии имели поверхностное представление о революционных теориях. Они интересовались теориями только как мотивами «эксов» или возможности сыграть политическую роль. При таких обстоятельствах сами руководители охраны учили сексотов марксизму ради поднятия партийного престижа.

Например, марксизм стал завоевывать сторонников в кругах русской интеллигенции, поскольку давал ей надежду на возможность сыграть политическую роль. Красин — типичная фигура марксистского интеллигента. В 1905 г. он руководил самыми опасными «предприятиями»: боевыми дружинами, приобретением оружия, изготовлением взрывчатки. «Он то принимал марксизм как средство для выдвижения на политической арене, то становился в ряды активных сторонников революционного отрицания капитализма; закончил же свою жизненную карьеру послушным исполнителем указаний Ленина, в то же время сомневаясь в октябрьской аванюре» [Охранка... 2004: 202, 200, 203, 153–155].

Надо учитывать также поведение политической полиции в период политических изменений. После Манифеста 17 октября 1905 года наступил хаос. Растерянность, разноречивые толкования, непонимание направления правительственной политики привели к прекращению деятельности жандармского управления; находившиеся в производстве дознания оказались за амнистией ненужными; новых не возникало; некоторые офицеры просто уничтожили свои дознания: «Мы собирались, обсуждали слухи и ... ничего не делали!» [Охранка... 2004: 105].

Отсюда вытекает полицейская оценка роли подполья в подготовке революции. Подполье не было непосредственным фактором подготовки революции. Во время первой мировой войны противоправительственная деятельность перенеслась в иную плоскость. В неё включились оппозиционные (в том числе высокопоставленные) лица, а не революционеры. Местная власть на них воздействовать не могла. А верхушка МВД (включая политическую полицию) была скована «взаимодействием различных факторов, имевших решающее значение, из которых перенесение распорядительных функций из рук центрального правительства в военные руки Ставки сыграло главную, всё тормозящую роль!» [Охранка... 2004: 391]. Иначе говоря, по мнению главного сыщика в революции виноваты парламент и военные.

С этим связана полицейско-диалектическая оценка революции: она безнравственная потому, что целиком построена на морализме; она безбожна и бесчеловечна оттого, что выросла из идеи человекобожества; она исказила и уничтожила материальные ценности потому, что материалистична; революция и революционеры омерзительно несправедливы потому, что одержимы идеей справедливости. В конечном счёте революция — это реакция [Охранка... 2004: 234]. Эта оценка высказана в эмиграции.

Какие же материальные ценности следует причислить к «неискаженным»? Мартынов постоянно жалуется, что его обошли денежными наградами, детально описывает своё жалованье по всем статьям [Охранка... 2004: 169, 290–291]. Но наконец ему повезло проявить монархическое чувство: «При отъезде Государя с семьёй из Москвы я специально просил разрешения градоначальника встретиться и посмотреть вблизи Государя и его семью. Разрешение было дано мне, и я имел счастье видеть в двух шагах от себя всю царскую семью. Я стоял отдельно у входа на вокзале. Государь, проходя в двух шагах от меня и видя отдельно от всех стоявшего жандармского штаб-офицера, приветливо улыбнулся мне и прошёл мимо в сопровождении семьи. Помню хорошенькие лица Великих княжон. Помню так, как будто вижу их сейчас перед собой». Царь приехал в Москву на трехсотлетие и привез с собой кучу высо-

чайших подарков. После проводов царя «...градоначальник говорит мне: „Выберите себе часы, там есть для вас, в коробке“. Подхожу и нахожу коробку, в которой осталась бумажная лента с моей фамилией, но часов в коробке нет. Говорю об этом генералу Адрианову и получаю ответ: „Должно быть, кто-нибудь взял себе, выберите другие“. — „Да как же я возьму чужие часы?“ — „Ну, хорошо, я выберу вам“, — говорит недовольно Адрианов, подходит к подаркам, выбирает наудачу чьи-то золотые часы с цепочкой, рублей на 150, самое большее, и даёт их мне. Я решил не возражать и не ссориться из-за часов, но прелесть царского подарка, первого моего подарка от Государя, была испорчена. „Мои“ часы, вероятно, были вынуты из „моей“ коробки и отданы кому-либо другому в градоначальстве. Я тогда был ещё не в фаворе у Адрианова» [Охранка... 2004: 322–323]. Стало быть, истинные материальные ценности — это те, которые стоят больше 150 рублей, даются царём, но разворовываются коллегами...⁷

Оценка политического розыска была подчинена конфликту между жандармами и охранкой. «Жандармские офицеры в политическом розыске, — пишет Мартынов, — применяли грязные и преступные приёмы, сами, при посредстве своих агентов, ставили подпольные типографии, затем арестовывали „вовлечённых в ловушку“ наивных молодых обывателей и затем получали награды, деньги и чины» [Охранка... 2004: 399]. Однако чистая работа охранки превращается в вечный вопрос: «Ликвидация подпольного революционного сообщества или „предприятия“, им осуществляемого, является для лица, ведущего розыск, всегда задачей „со многими неизвестными“ и потому со многими решениями. Можно решить в одном направлении, но потерять при этом кое-что; можно решить задачу и в другом направлении, но и тут потерять кое-что другое: то потеряешь сотрудника (а это — Боже сохрани!); то ликвидацией устранишь от активности не очень активную организацию, на место которой станет другая, куда более активная; то случайно при ликвидации будет отсутствовать руководящее лицо, из-за которого, собственно, и производишь такую ликвидацию. Решениям нет конца!» [Охранка... 2004: 180].

Зато вкусы, кредо, мировоззрение и политический идеал всех звеньев полиции совпадают. Перечислим главные из них: любовь к изящным искусствам; тяготение к государственности, порядку и отвращение к интеллигенции; в политическом розыске невозможно соблюдать конституцию и работать в перчатках; патриотизму надо учиться у немцев (они сильно и возвышенно любят свою родину; эта любовь делает их работниками без усталости; они спят и отдыхают не больше двух часов в сутки; только подъёмом моральных сил можно объяснить немецкую неутомимость и трудоспособность); основанием решения социальных проблем является русский полицейский социализм по образцу Зубатова, который легализовал в рабочей организации социалистическую политическую и экономическую доктрину на основах Самодержавия, Православия и Русской национальности. Однако для спасения России не нашлось ни одного человека, который совмещал бы в себе идею крайнего национализма и дерзание ярого революционера [Охранка... 2004: 244, 302, 88, 443, 100]. Значит, эта перспектива остаётся пока открытой.

⁷ Характерно, что та же традиция воспроизводилась и в СССР: «Эта традиция вручать сувениры пришла на нашу грешную землю из международной практики и нашла здесь такие благодатные условия, что расцвела махровым цветом. Благо привычки щедринских и гоголевских чиновников не исчезли... Л.И. Брежнев и его команда, собираясь в командировку, запасались многочисленными дарами от часов до золотых и серебряных наборов, портсигаров и сервизов... Для последней поездки Брежнева в Узбекистан были выписаны подарки на всех руководителей республики, их заводов, заводов заводов, стенографисток, машинисток и даже водителей машин, на которых ездили эти стенографистки. На это направлялись десятки, сотни тысяч партийных рублей» [Болдин 1995: 38]. Но никакой новизны здесь не было. Обычай вручать подарки в честь заключённых экономических договоров распространён во всем мире. Правда, принятие таких подарков руководителями внешнеэкономического ведомства СССР могло быть истолковано как работа в пользу иностранцев — и тогда человек попадал за решётку [Сушков 1995].

Выводы

Для изучения степени полицеизации общества надо учитывать следующие феномены и проблемы: отбора и руководства сексотами; структуру полицеизирующих групп в соответствии с национальными, профессиональными, политическими и гендерными критериями состава сексотов и системы полицейского управления; душевную предрасположенность к сотрудничеству с полицией; специфику корпоративного сознания и поведения; отношение армии и полиции к сексотам; связь в деятельности полиции своекорыстия со стремлением к сенсации; цепь всеобщей лжи в военно-полицейских структурах; степень конфликта между обычной и политической полицией; параллель между отношением сексотов к идеологии до взятия власти и отношением к идеологии властно-управленческого аппарата после взятия власти; поведение политической полиции в период политических изменений; полицейскую оценку роли подполья в подготовке революции и полицейскую оценку революции вообще; степень выраженности монархического чувства в военно-полицейских структурах; оценку политического розыска; вкусы, мировоззрение и политический идеал всех звеньев полиции. Каждая из этих тем может быть предметом особого исследования — вместо разговоров об «объективной необходимости» особых групп лиц.

Агентурная работа... 2006. *Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов 1880–1917.* — Сост. Е.И.Щербакова. — М-СПб: Дмитрий Буланин.

Анпилогов И. 2002. Уроки армии и войны, или Хроника чеченских будней. — *Континент.* — № 114.

Болдин В.И. 1995. *Крушение пьедестала.* — М.

Быков В. 2005. *Долгая дорога домой.* — Москва, Минск: АСТ-ХАРВЕСТ.

Геллер М. 1996. *История России. 1917–1995. В 4 тт.* Т. 4. Россия на распутье. 1990–1995. — М.

Доверие институтам власти... 2013. *Доверие институтам власти. Опрос Левада-Центра 20–24 сентября 2013 г.* — Доступно: <http://www.levada.ru/07-10-2013/doverie-institutam-vlasti>. — Проверено: 03.10.2014.

Зданович А.А., Васильев И.И. 2006. Спецслужбы в зеркале социологии. — *Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб.* Т. 1. — М.: Кучково поле.

Макаренко В.П. 1989. *Бюрократия и сталинизм.* — Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского госуниверситета.

Макаренко В.П. 2013. *Русская власть и бюрократическое государство.* Часть 1. — Ростов-на-Дону: Март.

Макаренко В.П. 2014. Полицейское общество: к вопросу о генезисе. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований.* — № 2.

Никольский С.А. 2014а. Русские как имперский народ. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований.* — № 1.

Никольский С.А. 2014б. О качестве человека. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований.* — № 2.

Олейник А.Н. 2001. *Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти.* — М.: ИНФРА-М.

Островский А.В. 2004. *Солженицын: прощание с мифом.* — М.: Яуза, Пресском.

Охранка... 2004. *«Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска.* Т. 1. — М.: Новое литературное обозрение.

Стригин Е.М. 2004. *КГБ был, есть и будет. От МБ РФ до ФСК РФ (1994–1995).* — М.: Эксмо, Алгоритм.

Сушков В.Н. 1995. *Заключенный по кличке «Министр».* — М.: Совершенно секретно.

Хазанов Б. 2004. *Литературный музей. Из дневника писателя.* — Октябрь. — № 11.

Чукарев А.Г. 2005. *Тайная полиция России. 1825–1855 гг.* — Жуковский-Москва: Кучково поле.